

бескомпромиссности — явился для Блока нравственной опорой в его трудном поэтическом восхождении. Нельзя не отметить также, что авторы второго раздела — в особенности Л. Н. Назарова и В. И. Глухов — нашли до сих пор не привлекавшие еще внимания исследователей точки соприкосновения писателей XIX в. с наследием Лермонтова.

Общий пафос лермонтовского творчества стал предметом статьи У. Р. Фохта. В лаконичной по форме работе У. Р. Фохта «Пафос творчества Лермонтова» наследие поэта предстает как целостное единство. Выявляя закономерности развития творчества Лермонтова, автор соотносит их с общим движением русской литературы и подчеркивает актуальность поэта для нашей современности.

В полемической по замыслу статье А. С. Курилова «Белинский о романтизме Лермонтова» поднимается вопрос о необходимости вновь вернуться к анализу воззрений критика на лермонтовское наследие в связи со спорами о романтизме. К сожалению, взгляд Белинского на романтизм оказался в этой статье слишком «выпрямленным», что и не позволило автору убедительно доказать свою мысль о том, что критик отказывался видеть в Лермонтове романтика.

Как завершение романтической традиции исследовал поэмы Лермонтова «Мцыри» и «Демон» Ю. В. Манн. Он привлек новый историко-литературный материал и поставил лермонтовские поэмы в общий контекст развития русской и отчасти зарубежной романтической поэмы. На этом широком фоне особенности лермонтовских романтических поэм с их усиленным романтическим конфликтом и «предельным углублением его художественной диалектики» выступили в их реальном своеобразии. «Эталоном» жанра романтической поэмы взяты, с одной стороны, поэмы Пушкина («Кавказский пленник», «Цыганы»), а с другой — Байрона. Романтическая поэма после Пушкина и Байрона не зачахла, а обнаружила способность к развитию. Жанр как бы заново ожил и преобразился. Статья Ю. В. Манна продемонстрировала реальную эволюцию поэчного жанра в русском романтизме и вполне определила характерность творческого почерка Лермонтова как завершителя романтической традиции. Поэтому столь конкретен и научно доказателен общий вывод исследователя: «На развитие духа времени лермонтовская поэма реагировала сложно. Реагировала и усилением романтического конфликта, предельным углублением его художественной диалектики, вплоть до соприкосновения противоположных ситуаций (возвращения и бегства) и противоположных начал (добра и зла). И одновременно — развитием тенденций объективности как в повествовании, так и в общей структуре жанра. „Последняя вспышка романтического эпоса“ ярко осветила не только предшествующую его

судьбу, но и наступившую уже и завоевывавшую себе будущее стадию реализма».

Очень важную проблему поднял в статье о герое и позиции автора в знаменитом лермонтовском романе В. И. Левин. Известно, что В. Г. Белинский упрекал Лермонтова в недостаточной объективированности Печорина. В. И. Левин подходит к уяснению позиции автора в романе «Герой нашего времени» с точки зрения восприятия этого произведения критиками разных поколений — Белинским, Герценом, Добролюбовым. Выбранный им аспект решения проблемы, без сомнения, связан с восприятием творчества Лермонтова русской читающей публикой в лице ее идеологических вождей. По мысли автора, Печорин задуман и осуществлен Лермонтовым как положительный герой, а не «лишний человек». Обосновывая этот взгляд, исследователь опирается прежде всего на суждения А. И. Герцена.

Статья В. И. Левина — один из примеров намечившегося функционального изучения литературных произведений, которое прямо декларировано в работе Н. В. Осьмакова «„Герой нашего времени“ в историко-функциональном аспекте», которая представляет собой одну из первых у нас попыток систематического изучения этапов восприятия художественного произведения в своей национальной среде на протяжении столетия. К сожалению, интересно заявленная и теоретически правильно намеченная Н. В. Осьмаковым программа исследования не получила в статье убедительного конкретного решения, поскольку автор вместо нового подхода к материалу вскоре сошел на проторенную дорогу: вместо историко-функционального изучения он решил иную тему — «Лермонтов в русской критике». Правда, необходимо отметить и практическую трудность осуществления поставленной автором задачи — отсутствие читательских свидетельств давних времен, что, безусловно, отразилось на характере статьи.

Хорошим дополнением к сборнику явилась и статья покойного фольклориста М. К. Азадовского «Комментарий к „Ашик-Керибу“», материалы из которой в разное время печатались, но в полном виде она не была опубликована. Ученый детально проанализировал источники лермонтовского произведения и пришел к выводу об азербайджанском происхождении сказки.

В сугубо научном сборнике не оказалось диссонансом и эмоциональное «Слово о Лермонтове» поэта Льва Озерова. Делясь с читателем своим восприятием Лермонтова (человека и поэта), Л. Озеров напоминает, что для собратьев перу Лермонтов остается, говоря словами Б. Л. Пастернака, «колицтворением творческого поиска и открывения, двигателем повседневного творческого постижения жизни». Чрезвычайно характерно для статьи живое восприятие Лермонтова. В